

Туркмены и их страна глазами афроамериканского писателя в 1932 году

Мурадгелди Соегов

Национальный институт рукописей Академии наук Туркменистана

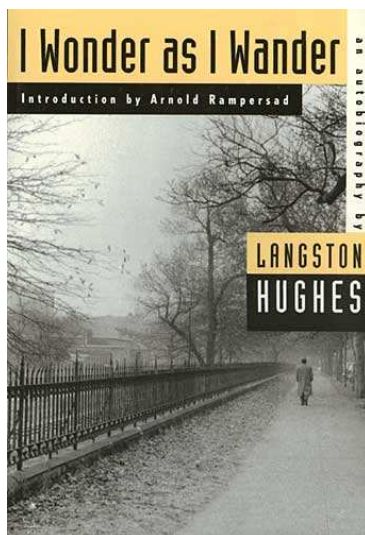
msoyegov@gmail.com

Ключевые слова: кинофильм, путешествие, переводчик, воспоминания, книга, расизм, хлопок.

Key words: film, travel, translator, memoirs, book, racism, clap.

В статье затрагиваются вопросы, связанные с кратковременным пребыванием в 1932 году в Туркменистане чернокожего американского прозаика и поэта Ленгстона Хьюза (Langston Hughes, 1902–1967), который по результатам своей поездки написал книгу путешествий “A Negro Looks at Soviet Central Asia” (Moscow, 1934). Эта книга в США вышла под названием “I wonder as I wander” (New York, 1956). Автором статьи проводится некий анализ сведений, содержащихся в данной книге.

Я впервые слышал об афроамериканском публицисте и поэте Ленгстоне Хьюзе (Langston Hughes) в начале 70-х годов прошлого века, будучи студентом старших курсов Туркменского госуниверситета, у нашего преподавателя Реджепа Поллыева (отец Джахан Реджеповны Поллыевой, – знаменита как ведущий российский государственный и политический деятель, юрист, поэт), который читал перед нами лекции по истории зарубежной литературы, и именно он рассказал нам о том, как чернокожий писатель из США в начале 30-х годов путешествовал по нашей республике. Много лет спустя, когда я работал уже профессором в Международном туркмено-турецком университете, доцент Реджепали Назаров, специалист по английскому языку, заведующий группой студентов, которые обучались по специальности «Переводчик», подарил мне копию электронного варианта книги Ленгстона Хьюза, изданную в 1992 году в Нью-Йорке университетом Princeton (США) под названием “I wonder as I wander” (дословно: “Мне интересно, поскольку я блуждаю”). Автор предисловия – Arnold Rampersad. Объем книги составляет 400 стр., из них 30 (с 101 по 131 стр.) посвящено Туркменистану и туркменам. Первое издание книги “I wonder as I wander” вышло еще в 1956 году. Здесь же укажем и на то, что доцент Р. Назаров несколько раз побывал в США в служебной командировке по программе, которая предусматривала обмен специалистами между нашими странами.

Ленгстон Хьюз (справа) и обложка его книги

Из справочной литературы узнаем, что известный американский темнокожий писатель и поэт Ленгстон Хьюз (James Mercer Langston Hughes, February 1, 1902 – May 22, 1967) оставил чрезвычайно богатое наследие в самых разных жанрах: роман, рассказы, пьесы, поэмы, баллады, стихи, блюзы и др. В его крови были и белые, и афроамериканцы, и американские индейцы. Активно участвовал в борьбе за права чернокожего населения США.

Л. Хьюз еще известен как один из ведущих и влиятельных писателей культурного движения «Гарлемского ренессанса» и первооткрыватель «джазовой поэзии». В 1930-е годы сблизился с коммунистическим движением, как и многие другие афроамериканские деятели искусства, видя в социализме альтернативу сегрегированной Америке (в частности, он оценил участие Коммунистической партии США в защите «парней из Скоттсборо»). Он участвовал во многих прокоммунистических организациях типа «клубов Джона Рида», но в компартию так и не вступил. Взгляды Хьюза отобразились на его стихах того времени. В 1932–1933 годах побывал в составе американской делегации в СССР, где имел возможность беспрепятственно ездить по территории страны и познакомился с Артуром Кёстлером (Арустамова, 2013, с. 153–154).

Артур Кёстлер (Arthur Koestler, 1905–1983), английский писатель венгерско-еврейского происхождения, известен по роману «Слепящая тьма» (*Darkness at Noon*) об эпохе «большого террора» в СССР второй половины 1930-х годов. Ленгстон Хьюз и Артур Кёстлер встретились и поружились в Ашхабаде в период своих путешествий.

30-летний Лэнгстон Хьюз, прибывший в Советский Союз в начале 1932 года по официальному приглашению в главе группы американцев-негров в составе 22 чел. для съёмки фильма по теме расизма в США, после свертывания данного проекта летом того же года по неизвестным причинам, получил разрешение на путешествие по Средней Азии. Он приехал в Союз со своим сценарием для съёмки фильма, но начали снимать первые кинопробы в Крыму с их участием по другому готовому сценарию, который, по мнению Л. Хьюза, не отражал жизнь американских негров. Он утверждал, что основанием для свертывания программы послужило боязнь верхушки СССР ссоры с США, которые тогда принимали активное участие в индустриализации страны советов (См.: Путешествие). Наряду с Туркменистаном (до Ашхабада и Мерва) он побывал еще в Узбекистане (Ташкент, Самарканд, Бухара).

Позже я узнал, что упомянутая выше книга “*I wonder as I wander*” Лэнгстона Хьюза, негритянского писателя, поэта и драматурга из США была издана в Москве в оригинале еще в 1934 году под названием “*A Negro Looks at Soviet Central Asia*”, а последующем и на русском языке: “Негр смотрит советскую Среднюю Азию” (перевод И. Гурова) по линии журнала “Иностранная литература”. Но в настоящее время русский перевод книги доступно по Интернету для нас в нескольких страницах, и мы вынуждены были пользоваться собственными переводами на туркменский язык, может быть, пока полностью готовыми для публикации.

При помощи своей старшей дочери Айны Соеговой, преподававшей теорию и практику русско-туркменского перевода студентам филологического вуза, которая неплохо владеет и английским языком, мы перевели для себя те страницы книги “*I wonder as I wander*”, где рассказывается о пребывании ее автора в Туркменистане, в частности в Ашхабаде и Мерве (Мары).

На основе этих туркменских переводов, можем говорить как Ленгстон Хьюз, доехав до Ашхабада, оторвался один от группы своих товарищей, которые ехали на поезде до Красноводска, а затем держали путь в Тбилиси и дальше, и как он в безлюдном перроне таскал свои тяжелые кино- и фотоаппараты в маленький вокзальное помещение. Л. Хьюз, не владея туркменским и русским языками и используя жесты и мимику, объяснил

работнику вокзала, чтобы он оказал ему помощь в нахождении переводчика. Он размышляет над семантикой и речевым использованием уже знаковых ему русских слов “сейчас” и “ничего”, которые еще раз услышал их из уст работника вокзала. Прибывший к вокзалу по его просьбе редактор одной из ашхабадских газет приветствовал его по-французски: *Bonjour, comrade*. И он не владел английским языком. Как пишет Л. Хьюз, в тогдашнем Ашхабаде не находилось хотя бы одного человека, который объяснился бы с ним по-английски.

Дальше идет повествование о том, как его устроили в гостиницу ОГПУ, единственно приличную гостиницу в городе. Он постоянно начал завтракать, обедать и ужинать в столовой ОГПУ. Ему подкрепили в помашники капитана ОГПУ, который, к сожалению, также не владел английским. Они даже до конца не смогли правильно произносить имени друг друга. Л. Хьюз слышал его личное имя в трех разных вариациях: *Yeah Tlang*, *Yaddle-oang*, *Ya-cekiang*. Поэтому он для себя придумал четвертый вариант имени своего помощника: *Yeah Man*. Со своей стороны капитан произносил имя *Langston* как: *Yang Zoon*.

Вот такими лингвистическими неурядицами, возникшими тогда в Ашхабаде, можем ознакомиться при ознакомлении с начальными страницами книги Л. Хьюза. Может быть, этот капитан ОГПУ предворялся неучом в отношении владения языками. Поэтому не следует сомневаться в том, что ОГПУ через свои агенты зорко следил за каждым шагом Л. Хьюза и А. Кёстлера за весь период их путешествий по стране, несмотря на то, что они тогда были людьми с коммунистическим убеждением. А. Кёстлер, вернувшийся в Европу, в декабре 1931 года вступил в члены Коммунистической партии Германии, хотя в 1938 году вышел из нее.

В своей книге Лэнгстон Хьюз подробно описывает события, происходившие тогда, когда он навещал один из вновь (года 2–3 тому назад) созданных колхозов в Мерве (Мары). Для сравнения он сначала пишет о Юге США, где также выращивают хлопчатник:

«Осенью, где бы вы ни сошли с поезда в оазисах Средней Азии, вы обязательно окажетесь среди хлопковых полей, а на улицах селений и даже больших городов что-нибудь обязательно напомнит вам о хлопке.

По всем дорогам движутся в пыли верблюды, повозки, грузовики, нагруженные белым волокном, которое везут на фабрики и склады. А за городом, куда ни кинешь взгляд, везде видны драгоценные зреющие коробочки. То же самое можно увидеть и на юге Соединенных Штатов. В Джорджии, Миссиссиппи, Алабаме можно сотни миль ехать между полей хлопка, ослепительно белого в лучах солнца. Только на наших дорогах нет верблюдов, а хлопок везут в фургонах, запряженных мулами.

И он перестал быть драгоценным. Кризис, фабрики закрыты или работают на половину мощности. Да, Туркестан не похож на Алабаму, в сущности, несколько не похож. Это два разных мира. Около года назад, когда я провел на Юге всю зиму, некоторое время мне пришлось пробыть в Алабаме, милях в пятидесяти от ныне знаменитого Скоттеборо. Я хотел побывать в поселке, примыкавшем к большой хлопковой плантации. «Это опасно, предостерегали меня друзья. Белые не любят, когда в поселке появляются чужие негры, не ездят».

Но я все-таки поехал вместе с представителями Красного Креста (его негритянского отделения, разумеется, ведь на Юге сегрегация проводится повсюду), которые в честь рождества везли фрукты для бедняков, то есть в данном случае для черных батраков на богатой плантации. В ветхом «форде» мы долго ехали по бурным полям, хлопок с которых был уже убран. Мы свернули в ворота в крепкой провололочной ограде, проехали еще некоторое расстояние и миновали вторую ограду.

Тут в стороне от дороги под деревьями стояли батрацкие хижины унылые бревенчатые лачуги из одной комнаты. Нам навстречу выбежали оборванные

ребятишки. Мы побывали в нескольких хижинах, и, пока представитель Красного Креста говорил о госпoде, я задавал земные вопросы. Я спросил у старика, продан ли хлопок. Он ответил с вялым равнодушием: «Не знаю. Его забрал хозяин. Ну а если и продали, мне-то что? Все равно я этих денег не увижу». Он тоскливо пожал плечами и замолчал, посасывая трубку. В соседней хижине хозяйка сказала мне, что не была в городе больше четырех лет. А до города всего пятнадцать миль! «Времени нет, сказала она. Да и денег на покупки тоже». Она говорила про свою нужду с каким-то холодным безразличием. Представитель Красного Креста заверил ее, что бог ей поможет, а потому пусть она ни о чем не беспокоится.

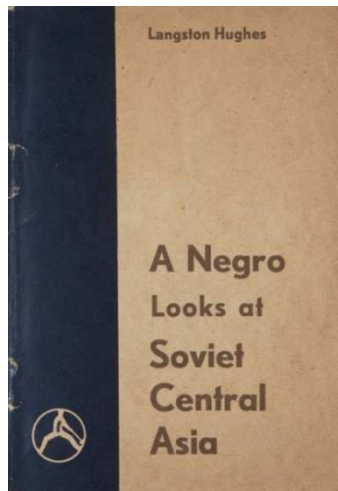
...Сломанная кровать, печурка и два-три стула, этим исчерпывалось все ее имущество. Среди исхудалых ребятешек, которым мы роздали фрукты, подачку благотворительного общества, были и ее дети. А владелец плантации жил в городе в большом особняке с белыми колоннами. Его дети учились в частной школе на Севере, а на каникулы ездили за границу. Вот эти черные руки, собирая белый хлопок, создали его богатство, благодаря им был построен его дом и его дети могли путешествовать.

Женищина, у которой не было денег, чтобы поехать в город за пятнадцать миль, посылала чьих-то детей в Париж. Вот на какой основе покоится культура Юга. Вот как плантаторы устраивают это: черный батрак подписывает контракт (который нередко не может прочесть), обязуясь проработать год вместе со своей семьей. Труд его должен оплачиваться оговоренной долей хлопка, который он вырастит. Он поселяется в хижине на земле белого. Плантатор выдает ему авансом семена для посева и каждый месяц отпускает в кредит из своей лавки кукурузу и солонину.

Учитывает все взятое в кредит бухгалтер, служащий плантатора. В конце года, когда хлопок собран, владелец забирает весь урожай и объявляет батраку, что его доли не хватает, чтобы оплатить жилье, семена, кукурузу, солонину и все прочее, что занесено в счетную книгу. Негр таким образом оказывается должником плантатора и должен еще год отрабатывать свой долг. Если он хочет забрать семью и уехать, ему грозят каторжными работами, а то и судом Линча.

Вот так черные батраки ведут рабское существование на американских плантациях. Очаровательная система, обеспечивающая бесплатный труд, белый хлопок и культуру! И у американских капиталистов хватает бесстыдства обвинять Советский Союз в использовании принудительного труда. Как не похожа на этот хлопковый край советская Средняя Азия! Баи-помещики изгнаны и никогда не вернуться. Я разговаривал с крестьянами, и я знаю, что так и будет. В них нет и тени страха, который гнетет батраков американского Юга» (См.: Лэнгстон).

Изложив свои личные осуждения об американском Юге автор сразу же переходит к событиям, происходившим перед его глазами в Туркменистане:

Бригадир колхоза им. Айтакова – Берды Курбан (в середине) вместе с Л. Хьюзом и А. Кёстлером (1932 год). Обложка книги Л. Хьюза 1934 года издания (слева)

«Я посетил колхоз “Айтакова” (сельское коллективное хозяйство носило имя Недирбая Айтакова, тогдашнего Председателя ЦИК Туркменской ССР – М. С.) под Мервом в самый разгар сбора хлопка. Председатель-туркмен повел нас в поле, где под ярким утренним солнцем бригада женщин собирала хлопок, быстро двигаясь по рядам невысоких кустиков, кто клал белые коробочки в передник, на глазах толстая от хлопка, кто в мешки, привязанные за спиной. Дневная норма составляет тридцать два килограмма, но ударники собирают за день по шестьдесят четыре. А многие женщины, за чьей работой я наблюдал, были ударницами.

...В этот день в полях работали одни женщины, так как мужчины приводили в порядок оросительный канал, объяснил председатель. Когда тяжелой работы нет, мужчины тоже работают в поле. Я спросил, почему нигде не видно детей в Америке они собирали бы хлопок вместе с родителями. Они сейчас в школе, ответил председатель. В нашем колхозе есть начальная школа. А в соседней деревне средняя школа на пятьсот учеников. Учительница занимается и со взрослыми. Вы сами увидите в обеденный перерыв.

Когда настало время обеда, мальчик принес в поле чай и хлеб. Женщины уселись в кружок на траве, и, пока они ели, среди них с книгой в руке ходила девушка, и каждая по очереди с ее помощью прочитывала несколько фраз. Так они учились читать вещь прежде в Средней Азии неслыханная. После обеда я помогал собирать хлопок, а потом молодой человек повел нас в чайхану ужинать. Там я отвечал на множество вопросов о жизни негров в Америке.

Уже совсем стемнело, когда мы направились через поля к поселку. Для нас приготовили комнату в яслях детские стульчики и столики были сдвинуты в угол, а пол устлали коврами, чтобы нам было, где сидеть. Вскоре начали сходить гости учителя и мужчины, которые весь день трудились на канале. Они приходили по двое, по трое и большими компаниями, так что вскоре комната была набита битком. Принесли чайники с чаем и полдесятка чаш, которые ходили вкруговую.

Когда чайники пустели, их передавали человеку у двери, и он наполнял их кипятком из котла, висевшего снаружи над открытым очагом. Утром ко мне прибежал Шура, маленький сын русской заведующей яслями. Он и его приятель, золотищный туркменский мальчуган, хотели показать мне котенка, который только что родился в конюшне. Они с гордостью водили меня по всему скотному двору. Потом Шура, белый мальчиш, и смуглый маленький туркмен взяли меня за руки и повели смотреть печь, в которой пекут хлеб.

Я пошел, но думал я не о печи. Я думал, глядя на моих маленьких проводников: «В Алабаме этого случиться не могло бы там белые дети и цветные дети растут отдельно друг от друга. Я рад, что здесь, в Советском Союзе, сметены все уродливые расовые барьеры. Русский мальчиш и туркменский мальчиш, вы никогда не узнаете жизни, полной недоверия, ненависти и страха, которую ведем в Америке мы» (См.: Лэнгстон).

Майя Улановская в своей работе, посвященной жизни и творчеству Артура Кёстлера, ссылаясь на книгу “Arthur Koestler. The Invisible writing: an autobiography. London: Collins. 1954” (р. 123–124) пишет: “Он описал в путевых заметках сбор хлопка в Туркестане бригадой женщин. Работают по семь часов, согнувшись, у некоторых – на спине грудной младенца. В обеденный перерыв пустая похлёбка, поспешное кормление младенцев грудью, и – “хорошенькая девушка из местных подходит к сборщицам хлопка. С книгой в руке она подсаживается на корточках к каждой женщине по очереди и что-то ей шепчет. Кикилов (бригадир и единственный мужчина, прочие сидят в ближайшей чайхане – М.У.) объясняет, что это учительница, она учит женщин читать и писать. Вечером после работы, они будут слишком усталыми, чтобы учиться” (Свобода).

В этой связи необходимо сделать два замечания. Во-первых, здесь налицо разные описания одного и того же события со стороны двух авторов. По-нашему мнению, более правдивым является проведенное выше описание Л. Хьюза, нежели у А. Кёстлера. Во-вторых, М.У. (то есть Майя Улановская) допускает грубую ошибку, считая Кикилова (точнее Кекилова) бригадиром колхозников-хлопкоробов. В действительности, поэт Шали Кекилов (1906–1943), будучи в 1932 году секретарем Оргкомитета будущего Союза советских писателей Туркменистана, сопровождал Л. Хьюза и А. Кёстлера в их поездке по республике. Также отметим, что в начале 1942 года Ш. Кекилов был призван в ряды Красной Армии и около двух лет воевал на фронтах Великой Отечественной войны (ВОВ) рядовым в стрелковой роте: сначала на севере, на Карельском перешейке, затем на западе, на Смоленщине. Был тяжело ранен на поле боя и умер 8 октября 1943 года в деревне Симорж Монастырщинского района Смоленской области. Похоронен в братской могиле (деревня Орловищи Витебской области). В начале 1943 года в виде солдатского письма на двух листах ученической тетради прислал рукопись фронтовой поэмы «В Карельском лесу», которая сразу же была сдана в печать, а вскоре была опубликована и на русском языке в переводе Георгия Веселкова. Это поэма является одним из значительных произведений туркменской литературы периода ВОВ (См.: Помним).

Таким образом, бригадиром колхоза им. Айтакова, где побывали Л. Хьюз и А. Кёстлер в 1932 году, был не Шали Кекилов, как утверждает М. Улановская, а Берды Курбан, который сфотографировался с ним на память (см. соответствующую фотографию). Может быть, по их просьбе снимал эту фотографию Шали Кекилов. Не столь положительно характеризует Кикилова (Ш. Кекилова) и Л. Хьюс, но он этого не заслужил своим патриотизмом, хотя бы позже, в годы ВОВ, в борьбе против фашизма ценой своей жизни отстаивал честь и достоинство своей Родины в отличие от авторов, писавших нелесное о нем.

Ш. Кекилов

Л. Хьюз

А. Кёстлер

В интернет-сайте “Путешествие Лэнгстона Хьюза в советский Туркестан в 1932 году” можем ознакомиться еще со следующими сведениями: Артур Кёстлер запомнился Л. Хьюзу тем, что постоянно слушал пластинку *Yiddishe Momma*, а также «сравнивал себя с доктором Левингстоном, первооткрывателем дикой Африки». Сам же Л. Хьюз за глаза называл его «диким венгром».

А. Кёстлер присоединился к экспедиции А. Хьюза, чем оказал большую услугу, так как он знал русский и английский, и мог выступать переводчиком. Интересно, что увиденное ими в Туркестане произвело совершенно разное впечатление на обоих. А. Кёстлер отразил эти воспоминания в книге «Темнота в полдень» в 1954 году. Он воспринимал советскую Азию с точки зрения «бремени белого человека», его раздражала антисанитария и отсталость местного населения, нежелание отказаться от средневековых привычек. Л. Хьюз же восторгался советским экспериментом по внедрению новой культуры среди местного населения. А. Кёстлер больше внимания уделял политике в Средней Азии, а не повседневной жизни. Л. Хьюз вспоминает, что его попутчик несколько дней не мог оторваться от процесса над главой Ашхабада Атдой Курдовым, обвиняемым в контрреволюции. «Я не сомневаюсь, что Курдов и его люди были плохими и виновными в преступлении», – говорил А. Кёстлер. Позднее, правда, А. Кёстлер вспоминал этот процесс как «издевку над правосудием» (См.: Путешествие).

Отдельным абзацем отметим, что все расходы по пребыванию чернокожего американца Лэнгстона Хьюза в СССР оплачивались за счет бюджета советского государства. В феврале 1933 года Л. Хьюз со своей группой покинули Среднюю Азию, а в марте того же года – СССР. По некоторым расчетам, он за время пребывания в Советском Союзе заработал около 4 тысяч долларов (примерный заработок среднего американца за 2 года в то время), передвигался, жил и питался он за счёт советского бюджета. Его сослуживцам были выплачены деньги в сумме около 2 тысяч долларов США (См.: Путешествие).

Увиденное и пережитое Лэнгстоном Хьюзом в Средней Азии, в частности Туркменистане сильно воздействовало на него не только как писателя-публициста, но и поэта-лирика (например, пустыня Каракумы, памятник В.И. Ленину в Ашхабаде, постамент которого украшен орнаментом великолепных туркменских ковров, и другие достопримечательности). Как свидетельство этому в качестве приложения к статье приводим два его стихотворения в английском оригинале и русском переводе поэта Алекса от 28.02.2014 (См.: Поэт).

В конце отметим, что по теме «Поэзия Л. Хьюза 20-х годов и традиции народной негритянской культуры США» была выполнена кандидатская диссертация (Т.И. Кобринская, 1985), и имеется также работа «Лэнгстон Хьюз. Библиографический указатель» (М., 1964).

Литература:

АРУСТАМОВА, Анна Альбертовна: Образы России и Америки на страницах журнала «Земля Колумба». In: Вестник Пермского университета. Серия «Российская и зарубежная филология». 2013, 3/23. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет. С. 152–157.

ЛЭНГСТОН Хьюз: Посещение Средней Азии [online]. [цитировано: 2016-04-16]. Доступно на: <http://goots.ru/soyuz-v-20-30-godakh/52-poseshchenie-srednej-azii.html?limitstart=0>

Помним... [online]. [цитировано: 2016-04-15]. Доступно на: <http://www.1tv.ru/veterani/id=2292428>

Поэт Алекс [online]. [цитировано: 2016-04-18]. Доступно на: <https://www.stihi.ru/avtor/lserbin>

Путешествие Лэнгстона Хьюза в советский Туркестан в 1932 году (история) [online]. [цитировано: 2016-04-16]. Доступно на:

http://gundogar-news.com/index.php?category_i=10&news_id=1732#sthash.9eFTB89P.dpuf

Свобода и догма [online]. [цитировано: 2016-04-17]. Доступно на:

http://www.jewniverse.ru/RED/Ulanovskaya_Koestler/utopiya.htm

Примечание: фотографии, использованные в данной статье, заимствованы из соответствующих интернет-сайтов, которые в свою очередь заимствовали их из ранее изданных книг и статей без указания на первичный источник.

Summary

Turkmens and their country eyes of the afro-american writer in 1932

In the article, the questions connected with short-term stay in 1932 in Turkmenistan of the black American prose writer and poet Langston Hughes (1902–1967) which by results of the trip has written the book of travel “A Negro Looks at Soviet Central Asia” (Moscow, 1934) are mentioned. This book in the USA left under the name “I wonder as I wander” (New York, 1956). The author of the article carries out a certain analysis of the data containing in the given book.

Приложение

Langston Hughes

Desert

Anybody
Better
Than nobody.

In the barren dusk
Even the snake
That spirals
Terror on the sand –

Better than nobody
In the lonely
Land.

Lenin

Lenin walks around the world.
Frontiers cannot bar him.
Neither barracks nor barricades impede,

Ленгстон Хьюз

Пустыня

Есть кто-то –
Лучше это,
Чем никто.

В бесплодном сумраке
Даже змея,
Что сеет страх
В барханах,

Лучше, чем никого
В безлюдных
Странах.

Ленин

Ленин шагает по миру.
Границами его не сдержать,
Ни штыком, ни колючей проволокой

Nor does barbered wire scar him.

Его нельзя напугать.

Lenin walks around the world.
Black, brown, and white receive him.
Language is no barrier.
The strangest tongues believe him.

Ленин шагает по миру.
Черные, желтые, белые ждут.
Язык для него – не преграда.
Все люди верят ему.

Lenin walks around the world.
The sun set like a scar.
Between the darkness and dawn
There rises a red star.

Ленин шагает по миру.
Заката красный рубец.
На рассвете наступит восход
Красной звезды, наконец.

Памятник В. И. Ленину, воздвигнутый в Ашхабаде в 1927 году (современный вид)